

Александр Коврах
Впечатление

Повесть

Александр Коврах

Впечатление. Повесть

«Издательские решения»

Коврах А.

Впечатление. Повесть / А. Коврах — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834325-4

Василий Мулярчик — даровитый художник. Его жизнь — повальный праздник, пирушки и женщины. Но однажды в поезде он встречает Алину. Кажется, мимолётная встреча. Проходят годы. Василий становится популярным художником. Но его окружают корыстные люди. Алина работает в банке, где настоящие чувства не ценятся. И судьба снова сталкивает Василия и Алину. Но душераздирающая реальность врывается беззащитно в их изящные отношения...

ISBN 978-5-44-834325-4

© Коврах А.
© Издательские решения

Содержание

Экспозиция. 2016 год	6
1	6
Композиция. 1990 год	7
2	7
3	9
4	11
Холст. 1994 год	13
5	13
6	16
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Впечатление Повесть Александр Коврах

© Александр Коврах, 2016

Фото и обработка Александра Ковраха

ISBN 978-5-4483-4325-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экспозиция. 2016 год

1

В одном из гродненских домов зазвонил обычный городской телефон. Звонок прозвенел раз. При втором звонке почувствовалось нетерпение звонящего. На третьем звонке почувствовалась настойчивость. Когда прозвучал седьмой звонок, то сразу стало понятно, что звонить перестанут только в случае ответа.

В комнате горел ночник. Работал телевизор без звука. Возле журнального столика находилась инвалидная коляска. В ней спал мужчина лет пятидесяти. На столе стояла полупустая бутылка коньяка.

Василий Петрович спросонья поднял трубку. В ней возбуждённый мужской голос тараторил:

– Ну ты, Василий Петрович...

Далее речь стала непонятной. На другом конце провода источили весь запас эмоций и замолчали. Голос внятно спросил:

– Спишь что ли?

– Уже нет, – выдохнул Василий Петрович. – И когда состоится церемония?

– Через неделю!

– Не-а, – возразил Василий Петрович. – У меня нога болит. Я на инвалидной коляске.

– Василий Петрович, прекрати! Ты у нас художник мирового уровня. А теперь писатель вселенского масштаба.

Вася хмыкнул:

– Коля, ты на небо давно смотрел?

– А что?

– А то! Там звёзд и без меня хватает. Пойди заberi у них «приз» и дело с концом.

– Василий Петрович, ты у нас ещё плясать будешь! Вот сам и получишь! – воскликнул Коля.

– Ага, – возразил Василий Петрович. – Сколько врачи байки бают, а я, понимаешь, в коляске по дому катаюсь.

Композиция. 1990 год

2

На крыше высотного здания позировали великие буквы – «КПСС». Со временем опорная арматура прогнила. В который раз буйный ветер срывал буквы и бросал вниз. Но «наглядную агитацию» красили и водружали на прежнее место.

Ночью завывал сильный ветер. Утром народ устремил пытливые взгляды в сторону здания. То ли ветер оказался слабоват, то ли не всё окончательно проржавело, но буквы стояли на месте. Переглядывается народ: что будет, когда обветшалые буквы рухнут вниз бесповоротно, и какие литеры займут их место?

А пока... пока ветерок слабоват!

Время от времени людям нравится что-нибудь менять в повседневной, серой жизни. Они затевают перестановку мебели в три часа ночи. Начинают ремонт квартиры зимой. Собираются умирать, когда надо жить. Собираются жить, когда всё позади...

Перестройка – великий почин и перелом!

Не имевшие понятия об инфляции советские люди думали, будто она порождение загнивающего Запада. И внезапно обнаружили злодейку у себя. В «застойные времена» КУКРЫНИКСЫ¹ изображали чёрную кошку с надписью – «инфляция». Эта коварная зверушка, обитавшая исключительно на загнивающем Западе, похищала сосиски у добропорядочных семей. Она выпрыгивала в распахнутое окно и пряталась в судорожно-тёмных дебрях небоскрёбов. Впрочем, русская инфляция не очень-то походила на кошку с сосиской в зубах. Она не только таскала сосиски и прочие продукты из меню граждан, но ещё умудрялась похитить их на пути к прилавку.

Наличие личного автомобиля в Советском Союзе преподносилось властью как роскошь. Никто не имел понятия, что автомобиль можно отправить на свалку после нескольких лет использования.

Ветерок перемен позволил организовать предприимчивым парням вначале маленький ручеёк подержанных автомобилей, направив его от заграничных свалок-клондайков к нам. Автомобильные ручейки, слившись в сплошной мутноватый поток, заполняли бездонные просторы Союза. Великая страна, открыв границу, оказалась не в состоянии справиться с образовавшейся неразберихой и беспределом...

В те далёкие, баснословные времена Василий Мулярчик находился в гуще вышеописанных событий. И когда начали постреливать не очень одиночными зарядами, а друзья перепрофилировались в рэкетеры, проявив в отношении собратьев по бизнесу вероломство, он понял, что подставлять голову пуле из-за куска металла – неразумно. К тому времени у него имелся неплохой капитал, который государство не умело и не могло пропустить через декларацию о доходах. Налоговая инспекция пребывала в зародышевом состоянии. А о налоговой полиции никто и понятия не имел!

Постепенно уходя из опасного бизнеса, Василий Мулярчик, художник по природе, творил в черте Гродно уютный коттедж с розовой крышей как сама мечта.

¹ КУКРЫНИКСЫ – художники-карикатуристы СССР: КУприянов, КРЫлов, НИКОлай Соколов.

Будучи человеком творческой натуры, он понимал, что всех денег не заработаешь. И когда умер один из его друзей – ни с того ни с сего, – проехав польско-белорусскую границу, Василий Мулярчик решительно изменил жизнь...

3

Просыпаясь по утрам, глядя в окно, Алина неоднократно останавливала взгляд на виднеющейся окраине города. Там расположились, как грибы после дождя, выстроенные коттеджи. Чтобы лучше рассмотреть один из красавцев-коттеджей, расположенный на взгорке, девушка взяла у юного соседа-астронома телескоп и подолгу изучала великолепное строение.

«Какой красавец! – вздыхала Алина. – А какая у него розовая крыша!»

– Что ж ты хочешь рассмотреть в свою стекляшку?

– Да так, тётя Нюра...

– Замуж тебе надо! – заключила соседка по балкону. – Засидишься в девках, – тётя Нюра печально вздохнула, – и выбирать-то не из кого будет.

Неизлечимая тоска чувствовалась в словах женщины. Плохое случалось с ней, по-видимому, чаще. Радость заполняла душу, когда Алина думала, что её жизнь только начинается. Девушка не понимала, почему тётя Нюра злится. Злится на всех, в том числе, и на мужа. А в чём он виноват? Она же согласилась выйти за него замуж!

Из открытого окна кухни доносился звон посуды и приглушённая речь матери вперемишку с низким голосом вечно недовольного отца.

– Алина, иди обедать! – позвала Вера Степановна.

– Извините, тётя Нюра...

Но тётя Нюра не слышала. Она говорила сама с собой. Женщина привыкла к своей жизни, но в душе страдая от невозможности исправить что-либо в судьбе.

Борщ в тарелке заволакивал пар. На столе стояла початая бутылка дешёвого вина. Отец из тарелки черпал ложкой горячий борщ, как ковш его экскаватора черпает со дна Немана песок. Он исподлобья наблюдал за Алиной, ложка которой, как показалось ему, очень презрительно хлопала в тарелке.

– Ешь, чего сидишь? – Отец пыхтел и с каждой ложкой краснел всё больше. – Ну, что собираешься делать дальше, Алина?

– Знаешь ведь.

– Знать-то знаю! – Отец положил ложку. Налил вина. – Но не понятно мне. Вот не понятно и всё! Деньги по ветру, а толку – никакого.

– Будет тебе, – вмешалась Вера Степановна.

– Ишь ты, заговорила! – Рука отца со стаканом задрожала. – Найди работу, не дури.

Не вмешиваясь в разговор, Вера Степановна нежно положила ладонь на руку мужа.

Успокоившись от лёгкого прикосновения жены, мужчина большими глотками выпил вино.

– Деньги – мои, – выделяя каждую букву, неосознанно Алина подлила масла в огонь.

– Твои? Значит, деньги свои растратишь, а после к отцу с матерью. Мол, простите, ошиблась я! – Сергей Иванович выпучил глаза.

– Вот налетел, – не выдержала Вера Степановна.

– Что? И ты туда же? – Он строго посмотрел на жену.

Разморённый горячим борщом и дешёвеньким вином, Сергей Иванович тяжело дышал. Он опьянел и потерял суть разговора. Но понимал, что молчать ему как хозяину не подобает, когда две непослушные бабы насаждают на него, пытаясь качать права.

– Пусть посмотрит на свои туфли! – Сергей Иванович с победоносным выражением лица указал рукой в сторону прихожей.

Вера Степановна смотрела на дочь, сбита с толка и ничего не понимая. Да ещё в глазах читался испуг, что позволила себе заступиться за непутёвую дочь.

– При чём тут туфли? – изумилась Алина.

– При чём? А ты посмотри на них, посмотри. Все каблуки сбила. Новые покупать надо!
– А я виновата, что они низкого качества?
– Беречь вещи надо! – пьяным голосом победителя заключил Сергей Иванович.
– Ты предлагаешь ходить босиком?
– Не умничай! – И видя, что дочь хочет возразить, Сергей Иванович с силой стукнул кулаком по столу: – Молчать!

Вера Степановна испуганно посмотрела на Алину, боясь сказать слово поперёк мужу. Она взглядом умоляла дочь помолчать.

Допив вино, Сергей Иванович опьянел окончательно.

– Знаю я вас, моло-о-дых... Знаю! – Он махал пальцем, прищурился: – Хочешь наркотики возить или, может быть, в манекенщицы податься?

– Папа, что ты плетёшь? – вскипела Алина.

– Ты как с отцом разговариваешь, а?

– Перестань, что ты! – успокаивала Вера Степановна мужа. – Идём... Ну, идём же. Приляжешь. Потом поговорите.

Сергей Иванович замолчал и поцеловал жену в губы. Было удивительно смотреть, как в нём неожиданно проявлялась покорность.

Вера Степановна толкала его вглубь квартиры, а он обиженно восклицал:

– Нет, ты слышала, мать, слышала?

Спустя минут пять Вера Степановна вернулась на кухню. Она убрала со стола бутылку, тарелку. Вытерла стол. Присела на стул, где сидел муж.

– Отец хоть и пьян, а говорит правду, – спокойно, но твёрдо сказала Вера Степановна дочери.

– Правду? – Алина с некоторой долей презрения посмотрела на мать: – У тебя он всегда прав. Мне двадцать лет, двадцать! А вы всё считаете меня ребёнком. Одни упрёки.

– Кто же тебя попрекает, Алина? Да мало ли чего отец может спьяну ляпнуть.

– Много он со мной, мама, трезвый говорил?

Мать выглядела жалкой. Алине хотелось обнять её, но она удержалась. Борщ остыл и потерял вкус. Алина отложила ложку. Девушка хотела сказать матери что-нибудь утешительное, но слов не находилось.

– А подружка, что она? Москва-то большой город...

– Всё нормально, – обошлась общим ответом Алина. Но в подружке была не очень уверена.

– Алина, волнуемся мы за тебя. Бандитов развелось. По телевизору мерзость показывают. Хоть из дому не выходи. Нашла бы себе работу. И нам спокойней... Никто ведь не заставляет кирпичи таскать.

– Нет, мама.

– Не злись на отца... Любит он тебя. Будут у тебя детки... поймёшь, что значит свою кровиночку отпускать неведомо куда.

Чем больше Алина слушала мать, тем решительнее хотелось ей новой, неизведанной жизни. И не просто жизни, а жизни независимой.

4

День выдался солнечным. На небе ни единого облачка. Алина заметила в отличной погоде знак будущей удачи.

К вокзалу поехали на такси.

Сергей Иванович за весь путь до вокзала не проронил ни слова.

Перетаскивание сумок от стоянки такси в вагон прошло для Алины как в полусне. Подруга явно опаздывала. Отец по-прежнему молчал, что начинало злить Алину.

Оставив сумки в купе, отец и дочь вышли на перрон.

– Папа, поезжай домой, – сказала Алина.

– Деньги, где спрятала? – спросил Сергей Иванович доброжелательным тоном, на который Алина уже не рассчитывала.

Алина механически прикоснулась ладонью к платью и тут же отдернула руку. Лицо залил румянец. Она стрельнула глазами по сторонам: не заметил ли кто её жеста? Но никому не было дела до девичьих ужимок.

Отец поворчал на Алину для приличия:

– Смотри, дочка... Ладно, езжай, чего уж там, – помолчал. – А подружка?

– Придёт, – как можно увереннее заверила Алина.

– Пойду я, – тихо сказал отец, думая что-то своё.

– Не волнуйся папа, всё будет хорошо.

Отец ушёл.

Тысяча мыслей роилось в голове Алины.

Из вагона попросили выйти провожающих. «Не пришла, – вздохнула растерянно Алина. – Ну и пусть!»

За вагонным окном тронулся вокзал и поплыл в сторону.

Спустя некоторое время в купе вошла проводница.

От сидящей напротив женщины веяло успокаивающей защищённостью. Алина заметила, что проводница разбирается с билетами неторопливо, с достоинством не лишённым автоматизма. Он присущ людям, давно свыкшимся с романтикой выбранной профессии. У таких людей всё налажено: и в семье ждут, и на работе всё путём. Поезд прибудет в Москву, а после предстоит дорога назад. Выходные. И так по кругу...

– Чай будет... – Проводница встала: – минут через двадцать, – и вышла.

Алина кивнула: выбора нет.

Когда на пороге купе появилась проводница со стаканами горячего чая, Алина изумилась: за мечтаниями полчаса пролетели незаметно.

Чай отдавал запахом угля. А стаканы, в потускневших подстаканниках, напоминали революционные фильмы. Напившись чая с бутербродами, Алина опять-таки села у окна и смотрела, как заколдованная, на быстро меняющийся пейзаж. Девушке думалось, будто по быстро пробегающим полустанкам, домам, лесам можно прочесть своё будущее. Душа Алины пребывала в том волнующем состоянии, которое настигает человека, лишь он начинает подумывать о путешествии. Это состояние охватывает душу полностью, когда человек делает решительный шаг, отправляясь в неведомые дали. Вздурораженные мечтами мчались мысли Алины наравне с поездом, порой обгоняя, сообщая ему свою скорость.

Дорожные встречи овеваны романтикой неизведанных далей, новизной испытываемых впечатлений. Поражают спонтанностью, возможностью преподнести себя собеседнику кем угодно. И самое главное – эти встречи ни к чему не обязывают. Вагонные знакомства легки в завязке. Здесь иное измерение. Другая реальность жизни под перестук колёс. Некоторые мужчины и женщины придают вагонным знакомствам некую магическую силу. Она, по их мнению,

должна закрепить в памяти пережитое, чтобы вспоминать о случившемся после, на досуге, когда более ничего не остаётся. Если человек действительно пережил в дороге что-то значимое для себя, то в дальнейшем почуяв запах горящего угля, он с поразительной ясностью вспомнит мимолётное, но такое греющее душу приключение.

Колёса ритмично постукивали на стыках. Лёгкий ужин навевал на Алину дремоту. К тому же вагон приятно качало. Она устала непонятно почему. Да и пейзаж утомлял однообразием.

Дверь купе распахнулась. Вошёл мужчина. Алина удивлённо посмотрела на него, так как поезд давно уже нигде не останавливался.

От мужчины исходила необъяснимая сила сразу располагать к себе.

– Добрый вечер! – поздоровался он.

– Здравствуйте.

– Вот моё место, – незнакомец указал на верхнюю полку.

– Пожалуйста.

– Вас как зовут?

Алина растерялась.

На столике появилась колбаса, зелень, хлеб.

– Как вас всё же зовут?

– Алина.

– Вася.

В центре столика появилась бутылка водки.

– Прошу! Всё, что удалось обнаружить в вагоне-ресторане.

– Спасибо. Я ужинала...

– Поддержите компанию, – не отставал Вася. Уловив во взгляде девушки некое неудовольствие, сказал: – Понял. – Бутылка водки чудеснейшим образом превратилась в бутылку ликёра.

Алина кокетливо пожала плечами.

– Это мой золотой запас, – сообщил Вася, слегка понизив голос, и разлил ликёр по стаканам. – Будем есть, пить – и разговаривать.

– Вы всегда, Вася, берёте с собой такие запасы?

– Всегда. – Он улыбнулся. – Пью не всегда... За вас, Алина.

Конечно, ей было приятно, что мужчина называет её на «вы». Этим он устанавливает некую границу между ними. Но решительности это не прибавляло. Алина с сомнением заглянула в стакан, затем посмотрела на Васю и подумала: «Выпить чуть-чуть можно... Ничего страшного не произойдёт».

– Ну и как?

Ликёр оказался действительно приятным на вкус. Алина кивнула.

Поговорили на общие темы. Как оказалось Вася тоже коммерсант.

Незаметно они выпили ликёр. За окном сгустились сумерки, и в купе зажгли свет.

– Простите... – На пороге купе стоял мужчина с брюшком в спортивном костюме. Красное лицо мужчины выглядело уставшим. – Простите, – повторил мужчина. – Кажется, я ошибся. – После этих слов он удалился.

– Будем спать?

– Пожалуй, да, – согласилась Алина.

– Я выйду, – сказал Вася, – а вы, Алина, стелитесь.

Так обыденно началась новая жизнь Алины. Завтра она будет в Москве.

Холст. 1994 год

5

– Василий... Василий... Проснись... – тихо шептала девушка, присев на корточки у постели.

Вася открыл глаза и увидел перед собой незнакомку. Бёдра и голени ног женщины соединились будто в поцелуе. Ощущение соблазнительности и близости не позволяло Васе отстранить взгляд от округлившихся колен с бликами света на коже. Колени притихли в трепетном ожидании ласки подобно прикрытым векам глаз.

– Ты кто? – спросил Вася.

Девушка улыбнулась.

– Сначала выпей. Тебе станет лучше. – Она протянула серебряный кубок.

Не хотят ли его отравить? Смешно. Он ждал смерти, а боится быть отравленным. Вася заглянул в кубок и поморщился, увидев приторно розовую жидкость.

– Не буду я пить такую мерзость! – Вася решительно отстранил руку девушки.

– Как это не буду? – воскликнула девушка. – Выпей, дурачок.

Кубок оказалась в его руках. Вася старался не думать о содержимом. Он сделал первый глоток. Вася подумал, что вот так во все времена погибали великие. Он чувствовал себя маленьким незащищённым мальчиком.

Физические страдания доставляли неудобства, которые сглаживались отчасти материнским отношением незнакомки.

Взяв пустой кубок, девушка встала на ноги и сказала:

– Меня зовут Софи. Вспомнил?

– Шантажистка.

– Заварю-ка я кофе, – в ответ произнесла девушка.

Считая себя при смерти, Василий обратил внимание на один момент. Как только Софи встала, выставив стройные ноги, к нему потихоньку начали возвращаться силы и желание жить. Необычно смотреть на женщину снизу вверх. Совсем нет желания поднимать взгляд. А хочется созерцать ноги, смотрящие коленями прямо в лицо. Припомнилось случайное соприкосновение рук, когда Вася брал кубок. «Почему прикосновение так действует на людей?» – размышлял он. Вася вспомнил, что познакомился с Софи вчера. Она пришла в компании его друзей. Софи понравилось у этого затворника, и девушка напросилась в натурщицы. «И слово-то, какое знает!» – удивился тогда Вася. «Кажется, она работает... фотомodelью», – вспомнил он. Вася с воодушевлением принял жертву и попытался выяснить, чем же напоминает отшельника. Возможно и удалось услышать объяснения по данному поводу. Но на сей счёт его память умалчивала.

Вася встал и пошёл в ванную.

Пересохшими губами он пил холодную воду. Выходя из него, вода облегчала муки.

Сквозь шум воды донёсся голос девушки:

– Я принесла кофе.

Через пару минут, почувствовав себя значительно лучше, Вася вернулся в спальню. Девушка сидела на стуле, с интересом наблюдая за Васей и глядя ладонью своё колено.

– Вася, тебе лучше? – спросила она.

– Да.

– Ещё кофе хочешь?

– Нет, Софи.

Софи не спускала глаз с Васи. Когда он протянул ей пустую чашку, а пальцы соприкоснулись, девушка смутилась.

– Можно мне побыть в мастерской? – спросила она. Её глаза тосковали.

– Мы-гы, – ответил Вася.

Софи встала. Она сделала шаг к двери, но передумала и подошла к Васе, наклонилась и поцеловала. Поцелуй длился только миг. От девушки исходил тонкий аромат дорогих духов. Пальцы женщины дрожали, когда он заключил их в свою ладонь.

– Пойдём со мной, – вкрадчиво попросила Софи.

Дальше всё произошло молниеносно.

– Ты сумасшедший! – засмеялась она.

Горячее дыхание Софи обожгло Васю.

Обладательница волос цвета спелой пшеницы, с открытым лицом, имела рост под метр восемьдесят. Хрупкостью Софи походила на стебелёк. Когда девушка бросала даже мимолётный взгляд в сторону Васи, губы растягивались в белозубой улыбке, сверкающие глаза наполнялись сочувствием как у медсестры. Слегка вздёрнутые брови как бы выказывали лёгкий восторг, что ещё более притягивало взор к девушке. Как злой человек не может обходиться без недоброго выражения лица, так и эта двадцатидевятилетняя блондинка немислима без обворожительной улыбки.

Мастерская купалась в лучах солнца.

– Ты здорово рисуешь.

– Когда не пью. – Вася сел в кресло и потянулся за сигаретами.

– Можно? – попросила Софи.

Он протянул сигарету и чиркнул спичкой.

Софи выпустила струйку дыма и заметила:

– А ты самокритичен.

Вася пожал плечами.

Софи присела на корточки у колен Васи, вызвав в нём воспоминания. Мужчина притронулся рукой к её белокурым локонам. Девушка почувствовала нежное прикосновение, замерла, боясь спугнуть руку. Когда Вася коснулся ладонью её щеки, Софи посмотрела ему в глаза. Они испытывали волнение и лавину самых нежных ласк. Такими ласками осыпают любовники друг друга, провоцируя и соблазняя.

Ничто не нарушало тишину в мастерской.

Когда Софи разводила пальцы рук, будто собиралась удержать яблоко, то над запястьем, с внешней стороны руки, выступала косточка, которая бугорком подчёркивала непревзойдённость линий её пальцев. Неоднократно целуя руки, Вася не упускал случая задержаться на бугорке.

– Теперь ты сможешь меня рисовать, – сказала Софи. Счастливая улыбка знаком благодарности сорвалась с её влажных губ.

Поцелуй Васи вызвал у Софи новый прилив нежности.

– Я хочу, чтобы ты нарисовал меня сейчас, – прошептала Софи.

Она поцеловала Васю. Встала. Прошла по мастерской.

Как ей шла нагота!

– Где мне стать? – Софи в ожидании посмотрела на Васю.

Ощущение спокойствия, ощущение лёгкой сладострастной усталости заполнило Васю. Избавившись от переполнявшей энергии любви, он приобрёл нечто отзывающееся в душе сладкой пустотой и философским аскетизмом. Он заставляет на обыденные вещи смотреть под другим углом. Проникать в их сущность.

Вася подошёл к мольберту. Всё ещё дрожащие, не слушающиеся пальцы через некоторое время обрели уверенность и смелее, решительнее принялись за работу.

Отдавшись без остатка любви Софи, Василий ни в чём не проиграл: приобрёл отличную любовницу, не так часто заглядывал в стакан, почувствовал в себе силы подолгу работать у мольберта. Итогом всех изменений, произошедших в жизни художника, стал портрет Софи.

Закончив портрет, который получил недвусмысленное название «София», художник повесил его в спальне, двусмысленно заявив: «Что там и только там ему место».

Знакомые, которым посчастливилось увидеть картину, приходили в изумление. Многие желали увидеть оригинал. Однако Василий отшучивался и переводил разговор на другие темы.

6

Двери в доме подчас днями не закрывались: заходили заказчики, натурщицы, друзья Васи. Такое положение дел Софи сначала рассматривала как должное. Но постепенно ситуация, как ей казалось, вышла из-под контроля, и всё становилось в тягость. Работа фотомодели уже не приносила удовлетворения Софи. Но она терпела, втайне желая постоянно находиться рядом с Васей, чтобы малая часть лучей его нарождающейся славы касалась и её. А ведь позже, когда слава Васи будет в зените, она сможет со спокойной совестью всем рассказывать, как приходилось тяжело вначале. Но она верила и ждала. Ждала и верила. Но больше всего Софи страдала, возвращаясь с работы, когда сталкивалась в дверях с какой-нибудь молоденькой и смазливой натурщицей.

Оказались позабыты друзья и выпивка. Теперь Василий не отходил от холста. Он понял: дар, как думалось потерянный навсегда, неожиданно вернулся. Причина тому – женщина. Софи открыла его для него самого же. Она делала всё, что оказалось в силах любящей женщины, чтобы вдохновлять Василия. Но ему никак не удавалось в последнее время найти время для Софи. Он замечал: она уже не так дружелюбно выносит присутствие посторонних людей в доме, который, наверное, считала и своим домом.

Заканчивалась зима...

После бессонных ночей, проведённых за работой, Василий забывался в тяжёлом сне. Часто снилась одна и та же женщина, лицо которой он никак не мог рассмотреть. Силуэт женщины видоизменялся и звал к себе. Чем быстрее Вася бежал к нему, тем стремительнее видение удалялось и в конце концов исчезало. Накатывала растерянность, ощущение безысходности. Вася просыпался, подолгу лежал, думая неизвестно о чём. Он смотрел на спящую Софи, прислушиваясь к её ровному дыханию. После Вася обвивался вокруг её тела, словно чего-то боялся, и только эта женщина способна защитить его.

От Васиных ласк Софи просыпалась. Как мужчина может быть таким? Она не понимала. По её мнению, мужчина тем хорош, что не поддаётся превратностям судьбы. Отношения становились всё более натянутыми. Это Софи сознавала явно. Резкая смена в настроениях Васи пугала её. Иногда он запирался в мастерской и выходил оттуда, чтобы взять поднос с едой, оставленный у двери. Часто среди ночи Софи тихонько подкрадывалась к двери. Девушка прикладывала ухо и слушала тишину. Но до её слуха не доносилось ни единого звука. Не в силах более выносить полудиккий образ жизни Софи однажды набралась смелости и решила поговорить с Васей.

Тихо ступая по сонному дому, она была уверена в силе своего очарования. Всё случится у них, случится как и в первый раз...

Дверь в мастерскую оказалась приоткрытой. Софи тихонько в некотором замешательстве и с удивлением открыла дверь и позвала:

– Вася.

В ответ – ни звука.

Софи обошла весь дом, но Василия нигде не нашла. Она вернулась в мастерскую. И только теперь заметила приоткрытое окно. Ей взбрело в голову, что Вася ходит гулять по ночам. Но постепенно домыслы обросли сомнениями. Сомнения дополнились фактами неожиданно всплывшими непонятно откуда. И теперь мысль о ночных прогулках стала переходить в нечто большее: у него другая женщина. Только догадка явилась и не запылилась, она сразу начала приобретать черты свершившегося факта. А когда Софи повторила вслух: «Да, да, у него есть женщина... женщина!» – она уверовала в это всей своей душой, будто найденное объяснение могло принести успокоение. Но оно, естественно, не приходило. Ей хотелось

убежать, исчезнуть с лица земли. Сомнения раздирали слабую женскую душу. Ей нужен был главный довод – увидеть его с другой женщиной. Софи ужаснулась, что мысленно толкает любимого человека в объятия другой женщины, лишь бы ублажить свою ревность, возможно – беспочвенную.

Холодная постель, в которую вернулась Софи, вызывала отвращение. Она сидела на ней и смотрела в окно невидящим взглядом. Девушка задумалась о любви: а есть ли она у неё? Она часто думала, что Василий – это отличный вариант. Главное – беспроегривый. Она привыкла спать не одна, чувствуя себя отчасти женой Васи. Софи представила как он переползает через подоконник. Идёт к другой. Та обнимает его. Он целует её. Она сама задирает платье... «Нет!» – сдавленно крикнула Софи и чуть не задохнулась от жалости к себе.

Недавно в разговоре с матерью она сообщила, что, наверное, скоро выйдет замуж. «Наверное...» – повторила вслух Софи и разрыдалась.

Рассвело.

Софи открыла глаза и не поняла: спала она или нет?

Солнце взошло.

«Я буду за него бороться!» – решила Софи.

Радуюсь наступившему дню и надежде на улучшение отношений с Васей, Софи несла ему завтрак. Сегодня она и на себя захватила кофе и бутерброды.

Вася стоял у мольберта и смотрел на холст. Самые противоречивые мысли вызывало изображённое лицо женщины. Рукой, с засохшей на ней краской, Василий нежно провёл по шершавой поверхности картины.

В дверь постучали. Вася в испуге отдернул руку и рассмеялся потому, что начал бояться в собственном доме. Он крикнул:

– Входи!

Вошла Софи с подносом в руках.

– Ничего, если мы позавтракаем здесь?

Он лишь неопределённо пожал плечами.

Холодность Васи совсем не огорчила, а даже наоборот – обрадовала: по крайней мере, он позволил находиться рядом. Софи тешила себя тем, что с помощью кулинарии напомнит Васе: она всё-таки женщина. Она и утренний наряд подобрала соответствующим образом.

Лицо Васи заросло щетиной. Оно выглядело осунувшимся от бессонной ночи. Этот факт произвёл неприятное впечатление на Софи.

– Ты ночью кричала, – сказал Вася, вытирая тряпкой кисти. Он даже не посмотрел на Софи.

Это походило на бесстрастное сообщение по телевизору: погибло столько-то, спасли столько-то. Голые, никому не нужные факты. Софи чуть не выронила поднос: так защемило сердце. Казалось, будто повторялись события прошедшей ночи. Словно она только что вошла и не застала Васю в мастерской. После сходила на кухню. Вернулась. А он уже здесь. И ничего, решительно ничего не произошло. Мир на месте. Мастерская на месте. Дом – чёрт бы его побрал! – на месте. И этот лгун стоит перед ней и чистит свои кисточки. А после с довольным видом говорит: она кричала. И радуется тому, что вышел сухим из воды, обеспечил себе алиби.

– Кошмар приснился, – ответила Софи. Она не боялась выдать себя, что знает правду: Вася спишет на кошмар.

– Тебе нужно высыпаться... – подытожил Вася, сел в кресло и взял чашку.

«Неотёсанный чурбан!» – со злостью подумала Софи. Намёк на её возраст выглядел отвратительным.

Ревность снова начала захлёстывать Софи: его аппетит – результат ночных отлучек. Но Софи посмотрела на происходящее с другой стороны: «А кормлю его я!» Обрадованная

придуманной уловкой, она в душе ехидно рассмеялась над неизвестной соперницей. Софи села напротив, положив ногу на ногу. Бёдра лишь наполовину прикрывала чёрная юбка.

– Как тебе работалось? – невозмутимо поинтересовалась Софи.

– Нормально.

В ответе слышалось спокойное безразличие и раздумье над чем-то. Ей страсть как хотелось подойти к мольберту. Софи неожиданно спросила:

– Можно посмотреть?

Взгляд Васи отдавал тяжестью и должен был смутить. Но Софи выдержала его. Она, как ни в чём не бывало, смотрела на Васю.

Сегодняшним утром Софи произвела на него впечатление. Но странное, нелепое ощущение некоего подтекста не покидало Васю.

Портрет любовницы поразил Софи. Ей захотелось швырнуть бутерброд в лицо изменнику. А ещё лучше – всадить лежащий на виду нож в холст.

– Тебе нравится? – как назло спросил Вася.

Софи выдержала паузу и ответила:

– Впечатляет.

Она сказала правду, потому что портрет во всех отношениях превосходил написанное ранее.

Дрожа от негодования, Софи подошла к Васе и поцеловала. Её ноздри расширились, когда она пыталась втянуть в себя запах его тела.

Софи села. Она обнаружила, что Вася не терял время даром: принесённый завтрак таял на глазах.

– Вася, знаешь, мне скучно, – жалобно проговорила Софи.

– И что? – Его глаза уставились на Софи.

Она взяла руку Васи за пахнущие краской пальцы. Он не выдернул руки, но и откровенного участия не выказывал.

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты уделял мне чуточку больше внимания!

– Хорошо... – неопределённо бросил Вася. – После поговорим.

– Не буду тебе мешать. – Софи подалась вперёд, поцеловала Васю и ушла.

Умиротворённость возникала в душе, когда Вася смотрел на портрет. Опасаясь, что желание кое-что подправить испортит труд не одной ночи, Вася решил выспаться.

Он проспал целый день. Софи вся измучилась, но терпеливо ждала. Она сидела на стуле в соседней комнате. Когда Вася проснулся, она вошла в комнату, легла в постель и прильнула к нему.

Неопределённое, непреодолимое чувство тоски заполнило Васю, когда он обнял Софи.

– Обещай, что мы куда-нибудь сходим вместе, – шепнула Софи.

«Ну вот, начинается!» – простонал в душе Вася. Вслух он ничего не сказал.

– Почему ты боишься себе признаться в том, что хочешь изменить свою жизнь? – назидательно поинтересовалась Софи.

– А разве я живу не так, как мне хочется?

– Может и так, но ты не считаешься со мной!

– С тобой?

– Мне так опостылела работа. Света белого не вижу! Подруги семьями обзавелись... Ты знаешь, работа фотомодели, в понятии некоторых людей, откровенная проституция.

«Ах, какие переходы. Вот куда ведёт дорожка», – понял Василий. Но ссоры ему не хотелось. И он поцеловал Софи.

7

Наступивший март лихо отмерил свою половину. В некоторые дни припекало так, что хотелось сбросить тяжёлую куртку. Но ветерок, холодный ветерок овеивал тщедушные тела людей с другой стороны, где они были недоступны солнцу, охлаждая подобного рода пыл.

– Софи, в чём дело? – раздосадованный фотограф в потёртых джинсах, рубашке и кепке, надетой задом наперёд, непонимающе уставился на девушку.

Ослеплённая ярким светом прожекторов, Софи почти не видела фотографа. Она пыталась преобразиться, отрешиться от переживаний. Но как не переживать? Другая женщина, мерзкая искусительница завладела её будущим, будущим безоблачным. Без убийственной ревности здесь, пожалуй, не обойтись. Любовь... А разве она существует на свете?

«Он будет мой!» – заключила Софи после некоторого раздумья и почувствовала облегчение. Вопрос: как? – вернул её в кривую колею сомнений.

На фоне шикарной машины красного мерзкого цвета, каким сейчас он казался, Софи испытывала отвращение к обожаемой когда-то работе. «Когда-то...» – криво усмехнулась Софи.

– На сегодня всё, – недовольно выдохнул фотограф. – Завтра как обычно.

– Травки покурим? – предложила Софи.

У фотографа завертелись зрачки. Он ошарашено посмотрел на девушку.

– Ну ты, мать, даёшь!

– Смотри, передумаю.

Фотограф что-то прикидывал в уме. Неожиданное предложение сказывалось на его расчётливости.

Софи всунула деньги во вспотевшую ладонь парня. Фотограф испарился, словно его и не было.

Софи сидела и курила сигарету, когда вернулся запыхавшийся и раскрасневшийся фотограф. Он предстал перед ней возбуждённый от всего сразу: от неожиданного предложения и предвкушения бесплатного удовольствия.

– Это не просто какая-нибудь подзаборная, а настоящая... степная, ветрами опалённая! – кипя от нетерпения, разглагольствовал фотограф.

В сущности, Софи плевать – степная, подзаборная... Она просто знала, что он балуется. Хобби у него такое. Одни кораблики мастерят. Другие марки собирают. А он курит травку.

– А ты, чё удумала? – Фотограф нервозно рылся в карманах: – Куда запропастился «Беломор»?

– Ночью что-то плохо спится.

– Вот и папироски, – неврастенически смеясь, он сел на стул и педантично стал выдавливать из папирос табак. – Странно, а я всегда думал, что ночью – и не спится поэтому. – Он многозначительно посмотрел на Софи и загоготал.

– Не умничай. Делай своё дело, – холодно скомандовала та.

Но фотографа прорвало:

– Смотри, какая красивая машина. Капот – одно загляденье. А зад какой! Всё зависит от зада... Художники, они ведь как, ночью закрываются с натурщицами – творят. Вот именно, творят неизвестно что. А днём отсыпаются. Устали бедненькие от непосильного труда.

– Не твоё дело! – отрезала Софи.

– Конечно не моё. Я так. К слову. Просто страсть как мне нравится твой зад.

– По-моему, я сказала, что ты не в моём вкусе. Да к тому же, у тебя кроме пошлости ничего с языка не слетает.

– А вот я считаю, что говорить женщине о красоте её зада – это не пошло. В одной книге прочитал...

Софи рассмеялась:

– Ты читаешь книги?

– А что, я не человек? Ты хоть знаешь, кто говорил о женских задницах без стеснения? Между прочим, уважаемый человек во всём мире. Не надо на меня так смотреть. Я польщён, но это – Ренуар. Не помню дословно, но он говорил что-то вроде: у неё такой зад, что хочется всем миром водить вокруг него хоровод. А ты говоришь... Зад, он или есть – или его нет. У тебя он есть.

Софи перестала нервно прохаживаться и дала фотографу оплеуху.

– Ты что?

– Чтобы не расслаблялся и не терял бдительности.

Он почесал щёку и тут же забыл об инциденте.

– Держи. – Фотограф протянул беломорину.

Затянулись – каждый на свой лад.

– Ну как? – с выражением профессионала спросил фотограф.

Как человек несведущий Софи сказала:

– Ещё не распробовала.

Фотограф засмеялся. Шутка показалась ему удачной.

– Как с женщиной! – смеялся фотограф. – Пробеешь, пробеешь – и всё мало.

«Пора переходить к теме разговора...» – решила Софи.

– У меня к тебе дело... – начала издали Софи.

– Так-так, – вздохнул фотограф. Неожиданный жест женской доброты стал очевиден.

– Вот. – Софи протянула снимок.

– Какой это умелец делал снимок? На игле сидел. Руки жгутами перетянутые не давали резкость навести.

– Это репродукция, – рассерженно сообщила Софи. Она сама фотографировала.

– Понял, не дурак. Дальше.

– Найдёшь... Вернее... – Софи на секунду умолкла, подыскивая слова: – Мне нужны снимки.

– Видел как-то твоего художника с тобой.

«Быстро же он соображает», – заметила Софи.

– Она живёт где-то рядом. Понял? Как ты всё будешь делать – твоё дело. О цене можешь не печалиться. Чтобы не напрягать тебя, скажу конкретней: она наверняка замужем. Снимешь их вместе. Вот тебе на мелкие расходы, – Софи протянула деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.